

БОРИС КУРКИН

ДОСТОЕВСКИЙ О ПРОВИДЕНЦИАЛЬНОЙ МИССИИ ПУШКИНА

20 июня 1880 года на торжествах в Москве, посвящённых открытию памятника А. Пушкину, Ф. Достоевский произнёс свою знаменитую, пророческую речь о непреходящем культурном значении великого поэта и о всемирно-историческом призвании России и русского человека.

“... С девяти часов утра густые толпы народа и многочисленные экипажи стали стекаться к площади Страстного монастыря. Более счастливые смертные, обладавшие входными билетами на площадь, занимали места: кто на подмостках, устроенных как раз возле Страстного монастыря, кто в рядах публики, окружавшей памятник, затянутый сильно загрязнённым полотном и обвитый бечевою, кто – в церкви. <...> Около самого памятника колыхались разноцветные значки и знамёна различных корпораций, обществ и учреждений; вокруг площадки памятника на шестах поставлены были белые щиты, на которых золотом вытеснены были названия произведений великого поэта; Тверской бульвар был украшен гирляндами живой зелени, перекинутой над дорожками, четыре громадные, очень изящные газовые канделябры окружали памятник; сзади виднелись восемь яблочковских электрических фонарей”. Так описывал открытие памятника Пушкину журнал “Будильник”.

Около 10 часов началась заупокойная обедня в церкви Страстного монастыря, которую совершал московский митрополит Макарий... За литургией следовала панихида, торжественным и умирительным моментом которой было провозглашение вечной памяти “болярину Александру”.

“И сотвори ему вечную память, – рек по окончании службы митрополит. – Ныне светлый праздник русской поэзии и отечественного слова. Россия чествует торжественно знаменитейшего из своих поэтов открытием ему памятника, а церковь отечественная, освящая это торжество особым священнослужением и молитвами о вечном успокоении души чествуемого, возглашает вечную память. Все, кому дорого родное слово и родная поэзия на всех пространствах России, без сомнения, участвуют сердцем в настоящем торжестве и как бы присутствуют в лице вас, достопочтеннейшие представители и любители отечественной словесности, науки и искусства. А тебе, Москва, град первопрестольный, естественно ликовать ныне более всех: ты была родиной нашего славного поэта, на одной из твоих возвышенностей воздвигнут в честь его достойный памятник и под твоим гостеприимным кровом совершается ныне сынами России, стекшимися к тебе со всех сторон,

настоящее торжество. Мы чествуем человека-избранника, которого Сам Творец отличил и возвысил посреди нас необыкновенными талантами и коему указал этими самыми талантами на особенное призвание...”

В двенадцать часов часть процессии, за исключением духовенства, при звуках нескольких оркестров и пении певчих направилась к покрытой красным сукном эстраде. Тысячная толпа сняла шапки. Зачитали акт о передаче памятника городу Москве, в 12.20 по знаку московского генерал-губернатора спала пелена, и громкое “ура” тысячной толпы пронеслось над Страстной площадью. Началось возложение венков.

В качестве почётных гостей присутствовали дочери и сыновья поэта: Наталья Александровна Пушкина графиня Меренберг (1836–1913), Мария Александровна Гартунг (1832–1919), полковник А. А. Пушкин, командир гусарского Нарвского полка – герой Русско-турецкой войны (1833–1914), Г. А. Пушкин, земский деятель в Опочечском уезде Псковской губернии (1835–1905). В открытии памятника участвовали И. С. Тургенев, Ф. М. Достоевский, И. С. Аксаков.

Лев Толстой, несмотря все уговоры Тургенева, от участия в праздновании наотрез отказался. Мотивировал граф свой отказ так: “...Я совершенно не сочувствовал этой суете. Нахожу, что всякие чествования не в духе русского народа. Впрочем, зачем я говорю “не в духе народа”. Просто не в моём духе. Я терпеть не могу всех этих прославлений и празднеств. Людям доставляет удовольствие суетиться, ну и пусть их суетятся. Я в это не вмешиваюсь...”

Думается, их сиятельство не хотел идти на чествование Пушкина по несколько иным причинам: ведь в таком случае графу пришлось бы оказывать честь кому-то, пусть и Пушкину, а не себе самому. И в том он мог усмотреть умаление себя, “парящего над миром пророка”.

Об отношении графа к Пушкину следует сказать особо. Приведём несколько высказываний яснополянского графа о Пушкине. “В нём <...> всё красиво и – всё ложно”, а спустя год после открытия памятника Пушкину Толстой скажет: “Вот был Пушкин. Написал много всякого вздора. Ему поставили статую. Стоит он на площади, точно дворецкий с докладом, что кушанье подано... Подите, разъясните мужику значение этой статуи, и почему Пушкин её заслужил...”

А вот ещё: “Пушкин как поэт имел значение в своё время. Большое значение, **которого он теперь, слава Богу, не имеет**. Всё это стремление сделать Пушкина народным, привлечь народ к чествованию его памяти – всё это одна фальшь. **Пушкин для народа нужен разве только “на цыгарки”**.”

В таком случае, на что сгодился бы народу сам Толстой?

“Пушкин был, как киргиз” (что видел, то и пел).

“Пушкин мне смешон”, – писал **Толстой** Н. Н. Страхову. Впрочем, в том же письме от 1872 года он и всю русскую литературу назвал “дурацкой”.

Тем не менее их сиятельство признавал за Пушкиным кое-какие положительные качества, в частности, искренность: “Вот главное достоинство Пушкина. Всегда был искренен, даже когда делал подлости. <...> Про Пушкина рассказывают любопытный анекдот. Он как-то встретил на улице Николая Павловича. “Ну, что же ты испытал?” – спрашивает его приятель. – “Подлость во всех жилках”, – ответил Пушкин”.

Что ж в данном случае граф выступил в роли, подобной роли карточного шулера: не мог же он не знать, что “подлостью” в старину называли “подчинённость”, “подвластность” (“подлые люди” – это подчинённые, подданные, а не “подлецы” в современном понимании этого слова).

Однако всё это говорилось графом на публику, а в узком семейном кругу он восхищался “Евгением Онегиным”, “Каменным гостем” и “Пиковой дамой”. Но довольно о нём.

8 июня 1880 года состоялось то самое знаменитое заседание московского Общества любителей российской словесности. Именно на нём произнёс свою прославленную речь Ф. М. Достоевский.

Вспоминает Д. Н. Любимов (1864–1942), сын сотрудника журнала “Русский вестник” Н. А. Любимова, позднее – государственный чиновник высшего ранга: “...Раздался голос председателя: “Слово принадлежит почётному члену Общества Фёдору Михайловичу Достоевскому”.

Достоевский поднялся, стал собирать свои листки и потом медленно пошёл к кафедре, продолжая нервно перебирать листки, видимо, список своей

речи, которым, кстати сказать, он потом почти не пользовался. Он мне казался осунувшимся со вчерашнего дня. Фрак на нём висел, как на вешалке; рубашка была уже измята; белый галстук, плохо завязанный, казалось, вот сейчас совершенно развяжется. Он к тому же волочил одну ногу...

Достоевский, встреченный громом рукоплесканий, взойдя на кафедру, — я помню ясно все подробности, — протянул вперед руку, как бы желая их остановить. Когда они понемногу смолкли, он начал прямо, без обычных “милостивые государыни, милостивые государи”, так:

— Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа, сказал Гоголь. Прибавлю от себя: и пророческое.

Первые слова Достоевский сказал как-то глухо, но последние каким-то громким шёпотом, как-то таинственно. Я почувствовал, что не только я, но вся зала вздрогнула и поняла, что в слове “пророческое” вся суть речи, и Достоевский скажет что-либо необыкновенное. Это не будет обыденная на торжествах речь из красивых фраз, как была у Тургенева накануне, а что-то карамазовское, тяжёлое, мучительное, длинное, но душу захватывающее, от которого оторваться нельзя, как все произведения Достоевского.

Достоевский заметил произведенное впечатление и повторил громче:

— Да, в появлении Пушкина для всех нас, русских, нечто бесспорно пророческое.

П. В. Анненков на речь Достоевского отозвался так: “Вот что значит гениальная художественная характеристика! Она разом порешила дело!”

В своём письме к С. А. Толстой от 13 июня 1880 года Достоевский описывал своё состояние после прочитанной им речи следующим образом: “Я был так потрясён и измучен, что сам был готов упасть в обморок... <...> Все плакали, даже немножко Тургенев. Тургенев и Анненков (последний положительный враг мне) кричал мне вслух, в восторге, что речь моя гениальная и пророческая <...> До сих пор как разможжённый. Не беспокойтесь, скоро услышу “смех толпы холодной”. Мне это не простят в разных литературных закоулках и направлениях. <...> Главное же, я в конце речи дал формулу, слово примирения для всех наших партий и указал исход к новой эре. Вот это-то все и почувствовали”.

Нет нужды пересказывать содержание речи Достоевского и его мысли о “всемирной отзывчивости” и подлинной “народности Пушкина”. На что весьма редко обращают внимание, так это на то, что в своём слове писатель показал пути примирения западников и славянофилов в Пушкине. Собственно, это он и посчитал главным в своей речи. Во всяком случае, так он писал С. А. Толстой. И, разумеется, не лукавил.

И у всех на слуху слова писателя о том, что Пушкин — “явление невиданное и неслыханное, а по-нашему, и пророческое, ибо... ибо тут-то и выразилась наиболее его национальная русская сила, выразилась именно народность его поэзии, народность в дальнейшем своём развитии, народность нашего будущего, тягущегося уже в настоящем, и выразилась пророчески. Ибо что такое сила духа русской народности, как не стремление её в конечных целях своих ко всемирности и ко всечеловечности?”

“Не было бы Пушкина, не определились бы, может быть, с такою непоколебимой силой (в какой это явилось потом, хотя всё ещё не у всех, а у очень лишь немногих) наша вера в нашу русскую самостоятельность, наша сознательная уже теперь надежда на наши народные силы”.

Но вот что постоянно и по совершенно понятным идеологическим причинам замалчивалось как дореволюционными, так и советскими авторами, упоминавшими скороговоркой и с брезгливостью, так это знаменитое: “Смирись, гордый человек!” И досоветские, и советские, и антисоветские авторы усматривали и усматривают в том крик “рабской души”. Но ничего другого от атеистов и ждать не приходится. Смирение гордыни — это не для них. Не в коня корм-с.

Позволим себе напомнить вечно актуальные слова Достоевского. У Пушкина “подсказывается русское решение вопроса, “проклятого вопроса”, по народной вере и правде: “Смирись, гордый человек, и прежде всего, сломь свою гордость. Смирись, праздный человек, и прежде всего, потрудись на родной ниве”, — вот это решение по народной правде и народному разуму. “Не вне тебя, правда, а в тебе самом; найди себя и себе, подчини себя себе, овладей собой — и узришь правду. Не в вещах эта правда, не вне тебя и не за морем где-нибудь, а прежде всего в твоём собственном труде над

собою. Победишь себя, усмиришь себя – и станешь свободен, как никогда и не воображал себе, и начнёшь великое дело, и других свободными сделаешь, и узришь счастье, ибо наполнится жизнь твоя, и поймёшь наконец народ свой и святую правду его. Не у цыган и нигде мировая гармония, если ты первый сам её недостойн, злобен и горд, и требуешь жизни даром, даже и не предполагая, что за неё надобно заплатить”. Это решение вопроса в поэме Пушкина уже сильно подсказано. Ещё яснее выражено оно в “Евгении Онегине”, поэме уже не фантастической, но осязательно реальной, в которой воплощена настоящая русская жизнь с такою творческой силой и с такою законченностью, какой и не бывало до Пушкина, да и после его, пожалуй”.

Если вдуматься, то это указание на преодоление пропасти, к краю которой подошла Россия. В социологическом плане это выражается в культурном и религиозном разрыве правящего слоя и народа России. Народилось два народа: один – образованный и атеистичный, другой – держащийся из последних сил за веру отцов, “отчины и дедины”. И оба народа оказываются друг другу чужими. Основа существования и формула России “Самодержавие–Православие–Народность” распадается. Там, где оскудевает Вера и происходит отказ от неё, там не остаётся места ни для Царя, ни для Народности, и Смута становится неизбежной. Пушкин с потрясающей силой показал этот процесс в своём “Борисе Годунове”.

Держал ли в своём уме эту мысль Достоевский? Наверняка. Ведь в чём, по сути, как не в жизни по евангельским заветам может заключаться всемирность Пушкина и всемирная отзывчивость русского народа? Какую ещё благую весть могут они сообщить миру?

Но мог ли Достоевский выразить эту мысль публично и найти в обществе живой отклик на неё?

Нет. Не мог. Его бы зашикали, засмеяли, затоптали. Слишком уж запущенной, как выясняется теперь, была духовная ситуация в России.

“Спасайтесь Православием!” – говорил обществу Достоевский. И, разумеется, не был услышан. Через тридцать семь лет властителем России станут уже не “лишние люди” – пушкинский Евгений Онегин или лермонтовский Печорин, – а “люди из подполья” Достоевского – верховенские, шигалёвы, лямшины, ну, и “богоносцы достоевские”, по выражению известного героя М. А. Булгакова. Как же без них. “Без православия наша народность – дрянь. С православием наша народность имеет мировое значение”, – скажет известный славянофил А. И. Кошелев. И словно эхом отзовется: “Россия – это ледяная пустыня, по которой бродит лихой человек”.

Страна погрузится в смуту, из которой с тех пор и поднесь выкарабкивается, то снова падает в неё.

Символично, что памятник Пушкину, считавшему свой неподкупный голос “эхом русского народа”, воздвиг крестьянский сын, бывший крепостной, академик Александр Михайлович Опекушин. Судьба его глубоко драматична. В 1917 году у прославленного мастера отобрали дом и лишили всех сбережений. Он едва не умер с голоду и вынужден был уехать в родную деревню, где учил крестьянских детей рисованию и лепке. Он умер в 1923 году.

От советской власти Опекушин заслужил лишь то, что она уничтожала созданные им памятники, – Александру II (в Московском Кремле), Александру III (у храма Христа Спасителя), Н. Н. Муравьёву-Амурскому (в Хабаровске), адмиралу А. С. Грейгу (в Николаеве) и др. Отличились и ляхи, уничтожившие с одобрения немецких оккупационных властей в 1918 году памятник Александру II в Ченстохове, установленный перед православным храмом, также вскоре снесённым. Памятники, скорее всего, сносились не потому, что были созданы Опекушиным. Но вот парадокс: за годы советской власти он так и не удостоился от неё никакой чести, хотя имел вполне подходящее происхождение. Зато в 2003 году напротив Академии художеств в Санкт-Петербурге был установлен памятник другому её выпускнику – лютому и ущербному ненавистнику “москалей” Тарасу Шевченке.

Именем Опекушина назван астероид 5055 Opekushin (1986 PB₅), открытый 13 августа 1986 астрономом Людмилой Ивановной Черных. Но то была её личная инициатива по праву первооткрывателя.

В 1993 году учреждена Ярославская областная премия имени А. М. Опекушина “за достижения в изобразительном и декоративно-прикладном искусстве”.

Трагична судьба дочери Пушкина Марии Александровны Гартунг. Она скончалась на скамейке у памятника своему отцу в 1919 году. От голода. Наркомпрос Луначарский, которому более подошла бы роль конферансье из варьете, ходатайствовал о выдаче ей персональной пенсии, однако её Мария Александровна так и не получила. Некая комиссия, явившаяся обследовать бытовые условия будущей пенсионерки, засвидетельствовала, что она в свои 86 лет находится в здравом уме и трезвой памяти, а в её русской речи присутствует лёгкий французский акцент.

В 1931 году Страстную площадь переименовали в Пушкинскую, в 1937 году – в год советского пушкинского юбилея – уничтожили до основания Страстной монастырь, в котором обосновался Союз безбожников, а затем – в 1950 году – на опустевшее место перенесли памятник Пушкину.

Весьма показательно, что в период “перестройки” в ряде “незалежных республик”, в частности, в Армении, памятники Пушкину сносились.

Бесы не выносят Пушкина, хотя многие из них и кормятся им.

А Достоевского они не терпят ещё хуже.